

МНОГООБРАЗИЕ РАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

На основании анализа феномена рациональности (рационализма) установлены его типологические разновидности, многообразие сфер проявления, видоизменение рациональных моделей поведения и деятельности, взаимодействие рационального и социального планов осуществления. В статье рассматриваются социокультурные, гуманитарно-этические аспекты целерациональных ориентаций, противоречивый характер инструментально-прагматических поступков. Автор анализирует особенности рационального мышления применительно к практике современных деловых организаций.

Исторически рациональность включает не только истоки, но и утраты. В традиционном смысле речь идет об истинных целеустремлениях, целеполагании, избираемых мерах (шагах). Разумеется, узкорассудочное понимание следует ориентировать на социально-гуманистические ценности. Как подчеркивает А.А. Новиков, рациональность — как действительно разумное человеческое развитие — не только продуманный, рассчитано сбалансированный, но, прежде всего, нравственный путь, когда долг, альтруизм, милосердие, строго говоря, нерациональные факторы, не вытесняются и знание не подавляет совести. Получается, что ряд существенных черт рационального мышления является нерациональным по своей природе. Правда, автор поясняет: рафинирование рациональности есть противоестественное выхолащивание духовного мира человека, то есть все, что антигуманно, то и неразумно [1, с.49].

Вместе с тем трактовки рациональности требуют привнесения определенного позитивистского начала. Современная практика управления бизнесом не согласуется с первичными структурами нравственности, но ее нельзя упрекнуть в отсутствии понимания, привития фиксированных навыков как условий вполне «разумного» существования и функционирования (неформальные, внерациональные средства оказываются явной помехой). Конечно, узость мышления ущербна, но способна заключать не только практическую значимость, но и конкретное значение.

Нередко рассуждения о широте разумного поведения, его человеческой многоликости расходятся между собой. Известно, что разум и чувства далеко не тождественны друг другу. Так, операциональность действий «узкого специалиста» спасает жизни людей, в то время как «сестры милосердия» сопровождают их на границе «мира иного». Сегодня экономическое развитие насыщает жизнь реальными услугами, наоборот, скупая аскеза малопривлекательна даже в сравнении с житейской рассудочностью (она способна обеспечивать элементарную жизнедеятельность). Но безыдейные, беспредметные вещи художественного плана представляют именно интерес в силу своей приземленности. Так, И. Витаньи развивает тезис о двойной эстетической ценности — исполнение музыкальных произведений в повседневной жизни не уступает профессиональному в силу общечеловеческой привлекательности [2, с.145].

Социальный план современной рациональности выявляется в том случае, когда противопоставляются

самоценная сторона действительности и противодействующие ее развитию формальные средства. Но реальные качества должны быть «оплодотворены» разумом и ему следует быть позитивным в понимании насущных человеческих проблем. Например, исторические «благие намерения» как опережение фактического времени событий не всегда являются рациональными. Вместе с тем следование философским «идеям» доказывает их универсальный разумный характер.

Это значит, что эмотивные устремления и одновременно узкий практицизм свойственны человеку, но они не должны составлять существо его исканий, основу предметной деятельности. Рацио — помощник в делах и поступках, которых представляют для окружающих осмысленные начала, то есть «разумение» подсказывает людям, как себя подобающим образом вести. По этой причине рационализация и узко-житейский расчет неантагонистичны, но они могут в значительной степени между собой не совпадать. Здравомыслие полагает, что не все полезное является совершенным. Например, успехи в бизнесе не могут приравниваться к достижениям в физических науках, статус и заслуги публичных политиков неидентичны высоким проявлениям человеческого духа и героизма.

Это значит, что частичная предопределенность человеческой реальности не совпадает с ее детерминистским истолкованием. Отсюда — фактический момент самонахождения и самоопределения людей, который не исчерпывается внешними формами в качестве предпосылок поведения и деятельности [3, с.36]. Так, негативные проявления технической цивилизации, по мнению Н.А. Бердяева, есть «тенденция превратить человека в машину. Процесс этот очень болезненный». Усиливающаяся специализация, объединяющая и одновременно разрушающая целостность человеческой личности, приводит к тому, что ее независимость и внешняя свобода в условиях технологической и индустриальной эпохи оборачиваются «дегуманизацией человека». Буквально «фонтирующая» рациональность находит воплощение в западной науке, технике, связанных с системой свободной рыночной экономики [4, с.75,77].

Подобные утверждения относятся к специализированным видам профессиональной деятельности, которая должна быть «выше» навыков и умений, составлять основу самосовершенствования личности. «Узкая специализация» — сама по себе рациональна,

но должна быть связана с внутренней мотивацией, а не внешним принуждением. Не случайно в советский период поощрялась «рационализаторская деятельность» — в условиях постоянных каждодневных операций работник обдуманно, «без спешки» размышлял о возможностях модернизации оборудования и модификации производственных действий, помимо «инженерно-технологических решений прилагал свое «разумие» (что должно было обогащать технологическую размеренность и сообщать внутреннее удовлетворение).

Как отмечает швейцарский философ К. Майнбергер, развитие «разума» имеет не только свою историю, но, в свою очередь, создает историю разума. Дух, идеи (проще — рациональность как основа познания) управляли формированием явлений в качестве основы самоосуществления человека посредством деятельности. По этой причине можно говорить о «сбытиях разума» в основных формах рациональности: язык, закон, проект, начало. Отсюда — поучительные противоречия, противостояние противоположностей, «несоединимость» вещей, в конечном счете, обнаружение структуры разума во множестве типов рациональности. Возможность их выбора порождает разум и неразумие, рациональность и иррациональность, логические аргументации и средства оспаривания, критические коллизии и самонадеянность позиций [5, с. 57, 58].

Это создает реальные условия совершенствования человеческой личности, способность соотнесения с предметами опыта и творчества, наконец, собственно, изобретательность. Так, существующие ограничения в объяснении явлений имеют глубоко разумный характер, направленность на познающего субъекта (не случайно Р. Арон определял разум как «изгнание невежества»). Но исторически не всегда ясно, какой тип рациональности является необходимым. Здесь и риторическая рациональность, и развернутое убеждение, и глубокая рефлексия, и последовательная дозировка мнений. В частности, разумная деятельность есть «игра» единым разумом и возможностями его проявления в качестве рациональности. Как следствие, имеет место неоднозначность, амбивалентность решений и выводов (разум как разум, отмечает Г.К. Майнбергер, существует в самонаправленности игры в деталях). Необходимы достаточные практические основания и достоверность для познающего субъекта, из которых возникает определенное множество рациональностей. В признании многообразия мира «разум отдает некоторую долю разумности»: это и есть рациональность [5, с. 62, 63].

Неоспоримо, что в общей трактовке поведения следует исходить из «матрицы» человеческого понимания, когда к философскому анализу подключается социология, культурология, социальная психология (ряд других отраслей научного знания о человеке и обществе). В конкретном смысле речь идет о приобретении способностей и навыков, благодаря которым люди способны обретать и изменять понимание окружающих вещей [6, с. 89]. «Средствами обитания» понятий являющейся духовная жизнь и деятельность индивидов, социальность интеллектуальных процессов. Рационализирующее начало усиливается по мере нарастания стимулирующих факторов действий и в этом случае появляется «веер» объяснительных схем, но в предельном случае абстрактные представления («абсолюты») подвергаются резкому осуждению. «Разум включает в себя такие абстрактные чудовища, как Обязанность, Долг, Мораль, Истина... — отмечает П. Фейерабенд [7, с. 322]. Речь идет об их сдержива-

ющем характере и консервативном налете. В относительной противоположности этому представлению находится понимание рациональности К. Поппером: для него «открытое общество» — система принятия личных решений, и напротив, «закрытое общество» охвачено рационализацией — ответственностью, социальными запретами, давлением авторитетов [8, с. 218]. Необходимы, по меньшей мере, «гибкие рациональности», которые имеют конкретный вариативный характер и связаны с многочисленными человеческими замыслами. Но в этом случае они приобретают «оппортунистический» характер как соглашательское поведение, или ограниченная рациональность, и в результате за границы анализа выносятся важные социально-философские проблемы.

Творческая деятельность согласуется с социокультурным идеалом, но не в его ассоциативной связи с универсальными Ratio, а с возможностями свободной и открытой практической деятельности. Это значит, что действия людей в рациональном духе должны подкрепляться успешностью и в случае ее отсутствия следует говорить о «непригодности» усилий и начинаний. Прежде всего подобная позиция сочетается с прагматической ориентацией. Так, «экспериментализм» в понимании Д. Дьюи ставит под сомнение процедуру обоснования истинности утверждений и подчеркивает их возможную ошибочность, «погрешимость» (всякое знание открыто для потенциальной практики). Вместе с тем для прагматиков — в их обновленных позициях — люди не являются «пассивными игрушками» в руках неподвластных сил. Так, дихотомия факт/ценность, факт/конвенция не столь состоятельны, как прежде [9, с. 109].

Х. Патнем, как критик версии прагматической традиции Р. Рорти, отмечает следующие моменты: значение имеет не само обоснование, а признание его большинством данной культурной группы. Нормы и стандарты, обоснованность и достоверность — исторические продукты, которые отражают конкретные ценности и интересы. В этом случае представление об интеллектуальном оптимуме является частью заключений о необходимом состоянии человека в целом, нормативации при всем выверенном характере допускают реформирование и бывают «лучше и хуже». Х. Патнем полагает возможным рациональное различие подобных регламентов и правил на основе «внутреннего или прагматического реализма». С современных позиций необходима критика комфортабельной самоуспокоенности, совмещение проблем повседневной жизни и интеллектуального контекста [10, с. 21]. В результате прагматизм оказывается способным поддерживать связь конкретных наук, социокультурного контекста и жизненного мира. На этой основе возможно углубление разделов социальной философии в аспекте понимания внутренней и внешней социальности, интересубъективности, собственно рациональных типов коммуникации. Сегодня идеология бизнеса (менеджмента) обнаруживает значительную самоуверенность, убеждение в том, что с приходом рыночных отношений мир становится предельно ясным и понятным. Подобные представления малооправданы и вредны, поскольку экономическое богатство не коррелировано с интеллектуальным развитием и включает ряд карикатурных изображений.

Интересную попытку разграничения рационального и иррационального начал предпринимать Н.С. Мудрагей. В первом случае следует говорить о логически обоснованном, теоретически осознанном, систематизированном знании предмета (гносеологический аспект), а также о предмете, явлении, действии, в

основании которых находится закон, порядок, целесообразность (онтологический аспект). Во втором — о превращении объекта познания в логически выраженный, всеобще представимый предмет, но когда правильнее говорить не об иррациональном, а о «еще не — рациональном» (французский философ А. Любак называет его также инфрациональным или недорациональным). Для иррационалиста окружающий мир именно иррационален, причем преимущественно не в гипотетических возможностях рации по «вскрытию» не совершенными средствами феноменального мира, но в абсолютном значении — это «иррациональное само по себе», то есть является непознаваемым никем и никогда [11, с.54;55;57].

В последнем аспекте разум как рациональное объяснение феноменального мира оказывается беспомощным и бесполезным для понимания вещей «самих по себе». В этом отношении представляют непреходящий интерес идеи А. Шопенгауэра в работе «Свобода воли и нравственность». Философ относит высшую способность познания не к разуму, а организму. Тожественный разуму интеллект есть простая акциденция общества, регулятивная функция в отношениях между организмом и внешним миром [12, с.161]. В рассуждениях А. Шопенгауэра об иррациональном начале человека и бытия содержится указание причины разделения людей на рационалистов и нерационалистов, которое обусловлено особенностями духовно-психической конституции человеческой мысли. Так, философско-мировоззренческое осмысление мира основано на первичной интуиции философов и, естественно, включает сокровенную глубину. Человек другого плана ориентирован на строгие формы познания и по своим настроениям открывает строго закономерное и целесообразное с дополнительными моментами иррационального. Это объясняет, почему часть действующих индивидов реактивно откликается на критерии пользы, достижимого успеха (особенно в личных устремлениях), другие испытывают тревогу и опасения по отношению к малопредставимым последствиям (причем, они так и могут оставаться неясными).

Один человек «тверд», представляется волевым в достижении интересов, другой охвачен волевой бессознательной силой, которая включает душевную боль, ностальгические чувства (в этом случае жизнь представляется как таковая, в естественном «хотении», а не подсказанных версиях извне). А. Шопенгауэр подчеркивает, что «зрячая воля» никогда не сотворила бы сложный органически объемный мир (или в его объектности), в котором пессимистическое восприятие равноценно оптимистическому. Это значит, что рационалистический человек ориентирован сознанием и интеллектом, которые уходят вместе с завершением его существования. Напротив, воля к сущему как носитель иррационалистического начала сообщает ему «крылья», уводит в мир миражей, то есть оказывается неуничтожимой. К этому может быть добавлен даже мистицизм с его пониманием нестатичного мира, в котором есть место динамике и творчеству, ценностями, идеалам и духовному развитию [11, с.58,59]. Не случайно в период стагнации тоталитарного общества часть интеллигенции, причем думающей, активно уходила в мистические умонастроения отказа от нетерпеливого осмысления и преобразования «нового мира». Порядочные, внутренне интеллигентные люди, как правило, не способны на рациональное убеждение в отношении правоты и неправоты, их отличает внутренняя речь как внешне не сообщаемая.

Со своей стороны, становление первичных структур рационального мышления в античной философии

и науке показывает его соотносимость с научным знанием, системой дискурсивного размышления. При этом историческое развитие обнаруживает иррациональность фундаментальных научных заключений (Койре, С. Тулмин), не говоря же о мифологической «примеси» в первичных рациональных образованиях. Но в целом рациональные аспекты присущи научному способу осмысления мира, системе культуры, исторической рефлексии. Определенные типы рационального содержания концепций являются специфическими формами отражения бытия науки (крайним выражением подобного объяснения является позиция О. Конта о стадиях развития науки как ступеней ее рационализации) [13, с.38].

Это значит, что необходимы не только интеллектуальные воззрения, но и вдумчивое понимание того, что окружает человека, во что превращается мир, что происходит вокруг. Вместо этого мы сегодня встречаем скоропалительные приветствия любым реформам и планам, проектам, моделям (ученые обмениваются ресурсами, реализуются в проектах, находятся в форматах, располагаются на платформах). Даже иллюминизм, согласно А. Шопенгауэру, выше рациональных действий, поскольку это внутреннее просветление, и в современном смысле оно превосходит «огни-иллюминаций» прогресса, как вторичное знание на основе моделей, вне понимания вечных форм и идей. К универсальным представлениям, прообразам не применимы системы доказательств. Так, поэтическая истина «все прогрессы реакционны, если рухнет человек» принципиально не требует доказательств и объяснений, в качестве кредо подлинного и гармоничного мира. В этом отношении иррациональное начало не стремится к соевей правоте в отношении рационального и не должно настаивать на своем «могуществе». Разуму же следует поступиться собой в форме самокритики, избегания чрезмерной цивилизационной рассудочности. В этом случае мы не будем иметь рецидивов «прогрессизма», «модерновости» и т.п.

Существует и другое понимание, во всяком случае, ракурс анализа. Историко-политические, экзистенциально-человеческие архетипы, по мнению А. Игнатова, «глубоко иррациональны». Так, революционеры с классической ясностью осуществляют предначертанные планы, полны веры в тоталитарные мифы насильственного разрушения и творения. «... речь идет о чем-то иррациональном, против которого разумные выводы бессильны ... иррациональный агрессивный напор сильнее, чем знание, он блокирует как нравственное чувство, так и мышление» [14, с. 33]. А. Игнатов связывает с метафизической верой в грядущее будущее полунадежды, но только не стоическую позицию созерцания и индивидуалистического понимания. Здесь имеет место иррациональное сочетание эмбриональной веры в потустороннее бессмертие, своего рода «отталкивание» окружающей реальности. Можно утверждать, что подобные состояния противоположны или, скорее, антиподны скептической позиции как «иррациональности-для-себя» в понимании А. Шопенгауэра.

Противоположный метафизике коммунизма смысл приобретает политическая демократия, которая предполагает формирование общественного мнения и воли граждан в ходе публичного, свободного, аргументированного обсуждения. В границах дискурсивной демократии идея равенства граждан, по мнению Ю.Хабермаса, означает, что в своей весомости нормы для всех должны получить «согласие всех». В этом случае появляется рационально обоснованный консенсус в его противоположности результатив-

ным манипуляциям или политически рациональным схемам и объяснениям. Даже в переговорах о справедливом распространении благ участников переговоров связывает игровой интерес и первоначально их «взаимоотношения подобны отношениям между игроками» (они не испытывают никакого интереса друг к другу и стремятся набрать «как можно больше очков») [15, с.126].

Ю. Хабермас подчеркивает, что «только те нормы действия значимы, с которыми все лица, кого они, возможно, затрагивают, могли согласиться, выступая в качестве участников рациональных дискурсов» [16, с.49]. Вместе с тем это предполагает равные голоса в обсуждениях, право каждого вносить конкретные предложения и предлагать собственные решения. Но заинтересованные лица должны уметь сосредоточиться на соображениях общего блага, универсальном понимании справедливости и т.д.

Так, для сторонников делиберативной демократии, то есть демократии обсуждения, ни одна из дискутирующих сторон не может предвидеть все многообразие точек зрения и необходимо рационализирующее влияние на первоначальное суждение участников. Именно «рацио» помогает учесть неограниченный поток аргументов, пересмотреть и вновь обдумать позиции, тем самым, отнестись к ним рефлексивно. Одновременно дискурсивная атмосфера делает возможным не просто рациональное, но порой и неожиданное, новаторское решение [16, с.49]. К этому присоединяются амбициозные притязания, эмоционально-личностные переживания, которые невозможно артикулировать. Возможный «иррациональный» момент появляется, когда участники стремятся непременно отстоять свою позицию или распространить появляющиеся преимущества на других.

В этом отношении делиберативная демократия соотносится с политической антропологией и собственным пониманием рациональности. Так, участие человека в политическом процессе означает достижение целей и реализацию интересов. Здесь можно говорить о целерациональном действии, как его трактует М. Вебер, когда индивид рационально избирает эффективные средства и стратегии для реализации поставленных целей. Вместе с тем реальная политическая практика показывает, что граждане ориентированы на социальные цели, но не готовы к разумному их выбору.

Можно утверждать, что в этом случае доминирует инструментальный разум, который способствует самоутверждению человека и влияет на его поведение. Прежде всего не действует фактор этизации и моралистических аргументов, поскольку речь идет о реальных жизненных предпочтениях. Как следствие, первоначально достигнутый рациональный консенсус «распадается», и homo politicus оказывается «невменяемым», особенно если речь идет о приверженности фактическим интересам. Лишь моральный дискурс исходящий из философско-этических воззрений как поиск норм и принципов способен на достижение взаимопонимания, целостного восприятия мира.

Анализ особенностей рационального мышления и понятия реальных явлений демонстрирует многозначность самой рациональности в ее видовой специфике, типологическом разделении, реализации в прикладной реальности. На этой основе представляется возможным обсуждения комплекса социально-гуманитарных и узкоспециальных проблем, как одна из центральных проблем, философского знания Racio демонстрирует свою основательность и вездесущность, исторический характер трактовок и одновременно универсальный

смысл, которые, как всегда, необходимы для понимания окружающего мира. Это подчеркивает новационный характер исследования рациональности, расширенный смысл применения целерациональных моделей поведения с точки зрения, его творческих и гуманизированных начал (в отношении процессов принятия решений, выработки стратегий управления и действий). Это сообщает практическую направленность данной публикации, которая представляет интерес для региональных органов исполнительной власти и деловых организаций.

Библиографический список

1. Новиков А.А. Рациональность в ее истоках и утратах // Вопросы философии. — 1995. — № 5.
2. Витань И. Общество, культура, социология. — М., 1984.
3. Рашковский Е. Б. Выступление на «круглом столе» по проблематике «Российская модернизация: проблемы и перспективы» // Вопросы философии. — 1993. — № 7.
4. См. комментарии трудов русского мыслителя: Вригт фон Г.Х. Философия техники Николая Бердяева // Вопросы философии. — 1995. — № 4.
5. Майнбергер Г.К. Единый разум и многообразие рациональностей // Вопросы философии. — 1997. — № 7.
6. Порус В.Н. Цена «гибкой рациональности». О философии науки ст. Тулмина // Вопросы философии. — 1999. — № 2.
7. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. — М., 1986.
8. Поппер К. Открытое общество и его враги. — М., 1992. — Т.1.
9. Бернштейн Р.Д. Возрождение прагматизма // Вопросы философии. — 2000. — № 5.
10. Putnam H. Realism with a Human Face, Cambridge, 1990
11. Мудрагей Н. С. Рациональное и иррациональное — философская проблема // Вопросы философии. — 1994. — № 9.
12. Шопенгауэр А. Свобода воли и понимание. — М., 1992.
13. Черняк В.С. Мифические истоки научной рациональности // Вопросы философии. — 1992. — № 9. Узкоспециальный подход составляет проблема вненаучных знаний и исследовательских решений, когда только в определенные моменты совершается «скачок» к интеллекту. Рациональные объяснения появляются в моменты, когда потребность в смутно-умозрительных представлениях отпадает, как в ранее «поддерживающих лесах» (см. об этом: Т. Б. Романовская. Рациональное обоснование вненаучного // Вопросы философии. — 1994. — № 9.- С. 36).
14. Игнатов А. Метафизические корни коммунизма // Вопросы философии. — 1994. — № 12. — С. 33. Автор приводит высказывания Ж.-П. Сартра о том, что необходимо применение смерти к контрреволюционерам в будущей социалистической Франции. Хабермас Ю. Вовлечение другого. СПб., 2001.
15. Бусова Н.А. Делиберативная модель демократии и политика интересов // Вопросы философии. — 2002. — № 5.
16. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность : московские лекции и интервью. — М., 1995.

КРОЛЕВЕЦ Юрий Леонидович, аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин, начальник офиса Омского филиала ОАО «АК БАРС Банк».

Дата поступления статьи в редакцию: 12.09.2008 г.

© Крелевец Ю.А.